



ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ



Комитет
гражданских
инициатив



Бизнес и Мысль

THE COLLECTED WORKS
OF F. A. HAYEK

Volume XV

THE MARKET
AND OTHER ORDERS

Edited by Bruce Caldwell

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ФРИДРИХА ХАЙЕКА

Том **15**

РЫНОК
И ДРУГИЕ ПОРЯДКИ



МОСКВА • ЧЕЛЯБИНСК

УДК 330.33
ББК 65.01
Х15



Книга издана при поддержке
Фонда развития гражданских инициатив «Диалог»

А. А. Столяров — Введ., гл. 5, 6, 9, 10, 13–15, Прил. А, Б
О. А. Дмитриева — гл. 1–4 (под ред. Р. И. Капелюшника)
Б. С. Пинскер — Пролог, гл. 7, 8, 11
Р. И. Капелюшников — гл. 12
В. В. Зотов — гл. 16

Хайек, Ф.

Х15 Собрание сочинений : в 19 т. / Фридрих Хайек. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020.

ISBN 978-5-906401-83-0

Т. 15 : Рынок и другие порядки / пер. с англ. под ред. А. В. Куряева. — 604 с.

ISBN 978-5-906401-98-4

В дополнение к новаторскому вкладу в чистую экономическую теорию Ф. Хайек глубоко исследовал вопрос о том, как знание, рассеянное по умам множества отдельных участников рынка, может сложиться во всеобъемлющий порядок экономической активности. 15-й том Собрания сочинений, получивший название «Рынок и другие порядки», состоит из работ, написанных в течение всей научной жизни Ф. Хайека, в которых он предпринимал попытки разрешить «проблему знания».

Собранные в настоящем томе более 20 текстов публичных выступлений, эссе, лекций, включая Нобелевскую лекцию 1974 г. «Претензии знания», опираются на широкий спектр подходов, в том числе философию науки, физиологию мозга, теорию права и политическую теорию. Читатели могут проследить развитие мыслей автора от разработки концепции стихийного порядка в экономической науке, через интеграцию этой идеи в политическую теорию и другие дисциплины, до кульминации в виде всеобъемлющей социальной теории, объясняющей стихийный порядок в самых разнообразных сложных системах, исследованных Ф. Хайеком на протяжении его исследовательской карьеры.

УДК 330.33
ББК 65.01

Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group.

ISBN 978-5-906401-83-0

ISBN 978-5-906401-98-4 (Т. 15)

ISBN 978-0-226-08955-3 (англ.)

© Социум, перевод, 2020

© Комитет гражданских инициатив, 2020

© 2014 by The Estate of

F. A. Hayek

All rights reserved

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ	9

РЫНОК И ДРУГИЕ ПОРЯДКИ

Пролог: Виды рационализма	57
-------------------------------------	----

ЧАСТЬ I. РАННИЕ ИДЕИ

ГЛАВА 1. Экономическая теория и знание	79
ГЛАВА 2. Факты общественных наук.	107
ГЛАВА 3. Использование знания в обществе	128
ГЛАВА 4. Смысл конкуренции	144

ЧАСТЬ II. ОТ ЧИКАГО ДО ФРАЙБУРГА: ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

ГЛАВА 5. Политический идеал верховенства закона	161
ПРЕДИСЛОВИЕ	165
Лекция I. Свобода и верховенство закона. Исторический обзор.	166
Лекция II. Либерализм и управление	189
Лекция III. Гарантии индивидуальных прав и свобод	212
Лекция IV. Упадок верховенства закона.	235
ГЛАВА 6. Уровни объяснения	257
ГЛАВА 7. Экономика, наука и политика	281
ГЛАВА 8. Правила, восприятие и умопостижимость	304

ЧАСТЬ III. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПОРЯДКОВ, С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

ГЛАВА 9. Теория сложных явлений	335
ГЛАВА 10. Заметки об эволюции систем правил поведения	364
ГЛАВА 11. Результат человеческой деятельности, но не человеческого замысла	384
ГЛАВА 12. Конкуренция как процедура открытия	399

ГЛАВА 13. ПРИМАТ АБСТРАКТНОГО	413
Приложение. Примат абстрактного — дискуссия	432
ГЛАВА 14. ОШИБКИ КОНСТРУКТИВИЗМА	445
ГЛАВА 15. ПРИРОДА ИЛИ ВОСПИТАНИЕ — ЕЩЕ РАЗ	471
ГЛАВА 16. ПРЕТЕНЗИИ ЗНАНИЯ	477
Приложение А. Новый взгляд на экономическую теорию.	491
Лекция I. Предмет экономической теории	493
Лекция II. Экономическое исчисление	509
Лекция III. Экономическая наука и технология	528
Лекция IV. Коммуникативная функция рынка	545
Приложение Б. Экономисты и философы	561
Указатель имен	587
Предметный указатель	592

Предисловие редактора

По хронологическому диапазону собранные в этом томе работы охватывают значительную часть научной карьеры Фридриха Хайека. Большинство из них взяты из трех ранее изданных сборников: «Individualism and Economic Order» (1948), «Studies in Philosophy, Politics and Economics» (1967) и «New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas» (1978). Я надеюсь, что принципы отбора станут понятны из моего Введения.

Поскольку работы Хайека выходили как в английских, так и в американских изданиях, естественно, встает вопрос, каких правил орфографии и пунктуации следует придерживаться. Мы предпочли «смешанную систему», которая ориентируется на принципы, принятые в «Studies» 1967 г. Опечатки, а также мелкие неточности в цитатах из других авторов исправлены по умолчанию. Более существенные ошибки снабжены примечаниями. Поскольку каждая глава имеет самостоятельный характер, обычная практика приводить при первом цитировании полное название источника, а в дальнейшем сокращенное, соблюдается лишь применительно к каждой отдельной главе.

Я признателен за помощь Джеку Блэйделу, Эрику Говарду, Хансйоргу Клаузингеру, Джереми Ширмуру и Михаэлю Вольгемуту, которые уточнили нечеткие ссылки. Михаэль Ассу, Клэр Колдуэл, Хансйорг Клаузингер, Джон Льюис и Джеймс Мерфи перевели цитаты с французского, немецкого, латинского и греческого. Анжела Земонек, Сэм Колдуэл и Мэтт Пэнхенс помогли мне подготовить окончательный вариант рукописи. Участники семинара HOPE <Helping Overcome Painful Experiences>

* <На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатели.

Здесь и далее угловыми скобками отмечены вставки и примечания, добавленные в русском издании переводчиком и редактором издательства (в первом случае — «Прим. перев.» и «Перев.», во втором — «Прим. изд.» и «Изд.»). Квадратными скобками (по всей книге) отмечены, как и в оригинальном издании, примечания и вставки редактора английского издания. >

в университете Дьюка в январе 2012 г. снабдили меня замечаниями по Введению. Преподаватели Углубленного австрийского экономического семинара при Фонде экономического образования в августе 2009 г., участники конференции «Проявления стихийного порядка в политике и обществе» в Фонде изучения стихийных порядков в феврале 2009 г., а также Пол Льюис прислали замечания на более ранний вариант Введения. Приношу всем им благодарность.

Я занимался данным томом несколько лет, и за это время немало сотрудников издательства University of Chicago Press — Дэвид Первин, Джон Трайнески, Джо Джексон, Шеньин Ву, Ронда Смит, Келли Файнфрок-Крид и Карисса Вардянян — помогли мне при его подготовке к печати. Я благодарю их за отличную работу и поддержку.

За исключением раздела «Примат абстрактного» и приложенной к нему «Дискуссии», все ранее опубликованные тексты входили в состав сборников, выпущенных Издательством Чикагского университета. Я благодарен хранителям наследия Артура Кестлера за разрешение процитировать эти материалы.

Эту книгу я посвящаю памяти Джона Льюиса, который скончался от рака в декабре 2011 г.

Брюс Колдуэл

Введение

В XV томе издания «The Collected Works of F.A. Hayek» собраны работы, опубликованные за период, охватывающий большую часть долгой научной карьеры Фридриха Хайека; первая из них вышла в 1937 г., последняя в 1975 г. Они были написаны по разным поводам и причинам. Одни связаны с конкретными событиями — такими, например, как председательская речь в Лондонском экономическом клубе, инаугурационные речи в университетах Зальцбурга и Фрайбурга, участие в сборниках, изданных в честь друзей Хайека — Карла Поппера и Жака Рюэффа, — и его собственная Нобелевская речь. Другие являются чисто научными работами.

Тематика этих материалов весьма широка. Здесь и пользующиеся заслуженной известностью статьи о так называемой «проблеме знания», здесь и статьи по некоторым аспектам экономической теории, статьи о философии науки и социальной науке, о физиологии мозга, о методах экономистов, о происхождении различных социальных институтов, о теориях права, об интеллектуальной истории, об ответственности наставников и о многом другом. Поражает, с какой легкостью Хайек переходит от одного предмета к другому в рамках одной статьи: он ясно понимал взаимосвязь всех этих областей. Ниже я постараюсь показать, как в этой, на первый взгляд хаотичной, среде постепенно возникает и проявляется *порядок*, лежащий в основе идей Хайека и объединяющий их.

Материалы расположены преимущественно в хронологическом порядке их публикации, за одним явным исключением. Выбранная в качестве пролога статья «Виды рационализма» изначально была прочитана как лекция в японском университете Риккио 27 апреля 1964 г. Она в полной мере отражает общую позицию Хайека. Хотя главной темой этой работы является критика того, что Хайек называет «рационалистическим конструктивизмом», он обсуждает еще целый ряд вопросов: неправильное употребление таких слов, как «планирование» и «социальный» (особенно в словосочетании «социальная справедливость»), отказ Джона Мейнарда Кейнса от его «ранних взглядов» на моральные правила, отношение правил к порядкам, желательность сотрудничества специалистов по юриспру-

денции, экономической теории и социальной философии, а также многие другие. Эта работа особенно подходит для пролога именно потому, что демонстрирует главную мысль Хайека: многие из этих на первый взгляд не связанных друг с другом тем на самом деле принадлежат к единому целому. Хайек считает, что первый проблеск этого единства замечен в статье «Экономическая наука и знание», которая является главой 1 настоящего тома и основана на его инаугурационной речи 1936 г. в Лондонском экономическом клубе: «Это подводит меня к тому моменту моего личного развития, когда я начал размышлять о всякого рода вопросах, обычно считающихся философскими, хотя прежде был чистым и узко-направленным экономистом-теоретиком, который занимался только техническими аспектами теории. Похоже, что все началось лет тридцать тому назад, когда я написал эссе “Экономическая теория и знание”, в котором я анализировал то, что мне представлялось центральной трудностью чистой экономической теории. Главный вывод заключался в том, что экономическая теория должна объяснить, как возникает общая упорядоченность экономической деятельности, при которой используются обширные знания, существующие только как ограниченные знания тысяч или миллионов индивидов и не объединяемые каким-либо индивидуальным разумом. Но отсюда был еще немалый путь до адекватного понимания соотношения между абстрактными правилами, которым индивид подчиняет свои действия, и всеохватывающим абстрактным порядком, который возникает в результате того, что в частных ситуациях он подчиняется этим абстрактным правилам. Только в результате тщательного пересмотра древней концепции свободы в рамках закона, основной концепции традиционного либерализма, и возникающих при этом проблем философии права я пришел к приемлемо ясному представлению о природе спонтанного порядка, о котором так давно уже говорят либеральные экономисты»¹.

Настоящий том назван «Рынок и другие порядки». Хотя входящие в него тексты содержат много специальных тем (чего и следовало ожидать, если учесть, что они написаны в разное время, для разных аудиторий и с разными целями), общая тема, как Хайек отмечает выше, такова: это обнаружение порядков во многих видах не связанных друг с другом явлений природного мира, явлений общественных отношений и институтов, составляющих часть этого мира, — порядков, возникающих в силу

¹ Хайек Ф. Виды рационализма, настоящий том, с. 70–71.

регулярности поведения их значимых составных частей. Такой подход тема придает целостность тому, который содержит много на вид совершенно разных тем. Выстраиваемая в итоге социальная теория впечатляет своей широтой и оригинальностью. Вместе с тем, как станет ясно, ее создание было трудной задачей, при решении которой встречаются повторы некоторых тем.

Первым делом я прослежу возникновение этих идей в работах Хайека по экономике, относящихся в 1930—1940-м годам. Затем речь пойдет о включении некоторых ключевых идей в его работы по политической теории и в других областях. Существует распространенное мнение, что, когда Хайек обратился к политической теории, он перестал заниматься экономической. Я покажу, что это не так: он продолжал применять эти идеи в работе «Грамматика экономического исчисления» (которая, правда, не была опубликована)². Наконец, я покажу, что наивысшим уровнем трактовки сложных адаптивных систем, или стихийных порядков, и самыми продуманными рекомендациями по их изучению отличаются работы Хайека, вошедшие в заключительную часть данного тома.

3

Часть I. Ранние идеи

Осенью 1931 г. Хайек приехал в Англию в качестве приглашенного профессора Лондонской школы экономики, а на следующий год получил место Туковского профессора экономической науки и статистики. В первые годы пребывания в ЛШЭ он принял участие в целом ряде дебатов: с Джоном Мейнардом Кейнсом о теории денег и экономических циклах, с американским экономистом Фрэнком Найтом и другими о теории капитала, а также с социалистами разных направлений о перспективах социализированной экономики³. В тот же период происходило активное обсуждение важности ожиданий, в котором приняли участие Хайек, Оскар Моргенштерн, ряд экономистов из Шве-

² В идейном плане ближе всего к этой работе четыре лекции, прочитанные Хайеком в университете Вирджинии в 1961 г. и объединенные под названием «Новый взгляд на экономическую теорию». Они впервые опубликованы в приложении к настоящему тому.

³ Подробности можно найти в томах 6—12 издания: F. A. Hayek, *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press; London: Routledge), а также в соответствующих редакторских введениях.

ции и других стран; они рассуждали о том, какое значение следует приписывать термину «совершенное предвидение». В 1936 г. Хайек был избран председателем Лондонского экономического клуба и приглашен выступить с речью 10 ноября того же года. Хайек назвал свое выступление «Экономическая наука и знание» и объединил в ней темы, которыми занимался в предшествующие годы. Через три месяца текст был опубликован в журнале «*Economica*»⁴.

Как впоследствии вспоминал Хайек, при подготовке текста выступления он ощущал «определенное волнение»: «Я тогда действительно начинал видеть вещи в новом свете. Если меня спросят, что я имею в виду, я, пожалуй, скажу, что вплоть до того времени мыслил, в общем, достаточно традиционно. А вот в моей лекции в Лондонском экономическом клубе “Экономическая теория и знание” я нащупал свой собственный стиль мышления... Я ощутил какое-то внезапное просветление, внезапное осознание того, что я пишу эту лекцию, испытывая определенное волнение. Я осознал, что, в общем-то, хорошо известные вещи я излагаю в новой форме, и, наверное, это был самый волнующий момент моей карьеры, когда я увидел напечатанный текст»⁵.

Лекция «Экономическая теория и знание», как явствует из ее названия, посвящена роли допущений о знании в экономической теории. Стандартная теория того времени, которую Хайек называл «статической теорией равновесия», исходила из того, что все действующие лица имеют доступ к одному и тому же объективно корректному знанию. В начале 1930-х годов некоторые экономисты начали ставить эту посылку под сомнение — прежде все-

⁴ F. A. Hayek, “Economics and Knowledge”, *Economica*, n.s., vol. 4, February 1937, pp. 33–54, перепечатка в издании: F. A. Hayek, *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp. 33–56 <Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 41–68>. Журнальный вариант содержал подстрочные примечания, удаленные в издании 1948 г.; кроме того, в версию 1948 г. внесены незначительные стилистические изменения. Версия 1948 г. взята за основу для настоящего издания, но удаленные примечания восстановлены и приводятся в квадратных скобках.

⁵ F. A. Hayek, “Nobel Prize-Winning Economist”, ed. Armen Alchian (запись интервью, данного в 1978 г. при содействии программы Oral History Program, University Library, University of California—Los Angeles, 1983 [transcript no. 300/224, Department of Special Collections, Charles E. Young Research Library, UCLA]), pp. 425–426.

го потому, что она не позволяла адекватно ответить на вопрос об ожиданиях: «Распространяется ли доступ к полной информации также и на будущее?» Как показал Оскар Morgenstern, посылка порождала причудливый результат⁶. Скажем, если допустить совершенное предвидение, то нужно допустить, что не только некое действующее лицо знает будущие действия всех прочих действующих лиц, но и эти последние знают ближайшие и последующие действия данного лица. Встает вопрос: как такой мир вообще может выходить из равновесия?

Анализируя проблему, Хайек начинает с разграничения равновесия для индивидуума и равновесия для общества, а также различает субъективное восприятие действующего лица и «объективное» знание ситуации, которым обладает внешний наблюдатель. Равновесие индивида не составляет проблемы: в любой данный момент он находится в состоянии равновесия по отношению к собственному субъективному восприятию — даже если это последнее не соответствует объективной реальности. (Следует отметить, что восприятие индивидуального агента может меняться по мере приобретения нового знания, но *в любой данный момент* он находится в состоянии равновесия относительно знания, наличного в момент принятия решения.) Но для того, чтобы в состоянии равновесия находилось *общество*, требуется гораздо больше, а именно: планы многих индивидуальных агентов должны быть скоординированы. А чтобы это произошло, субъективные восприятия должны соответствовать объективной реальности. Если нас интересует равновесие социума, тогда «вопрос, почему данные в субъективном смысле слова вообще должны приходить в соответствие с объективными данными, — это одна из основных проблем, требующих от нас ответа»⁷.

Равновесие общества Хайек определяет в терминах совместности планов как ситуацию, при наличии которой предвидение «в особом смысле» является правильным. В мире, где все агенты имеют доступ к полной корректной информации, это происходит автоматически. Но в реальном мире, указывает Хайек, знание поделено или рассеяно (разные агенты имеют доступ к разным

5

⁶ Oskar Morgenstern, “Vollkommene Voraussicht und wirtschaftliches Gleichgewicht”, *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 4, 1934, pp. 337 ff. Английский перевод: “Perfect Foresight and Economic Equilibrium”, in *Selected Economic Writings of Oskar Morgenstern*, ed. Andrew Schotter (New York: New York University Press, 1976), pp. 169–183.

⁷ См. настоящий том, с. 87.

единицам знания), а также субъективно (т.е. может быть неверным). В таком мире постоянно происходит учет новой информации и приспособление к ней.

Можно продолжать говорить о равновесии, даже если допустить, что агенты обладают субъективно располагаемым знанием. Тогда движение к равновесию будет подразумевать трансформацию субъективных данных в объективные. В процессе устранения ошибок можно прийти к итоговому состоянию равновесия, при котором достигается взаимная совместимость ожиданий.

Но если к постоянной изменчивости мира добавить рассеянность знания, само представление о движении к итоговому статичному равновесию становится натянутой метафорой. В таком мире рассеянность знания не является неким ситуативным состоянием, которое раз и навсегда устраняется движением к финальной точке покоя. Это перманентная ситуация. Если все агенты действуют на основании разных единиц знания и обитают в мире, где данные постоянно меняются, то реальный вопрос сводится к тому, как фрагменты данных, присутствующие во многих разных умах, вообще могут быть скоординированы. В данной ситуации «центральный вопрос» таков: «...как может соединение фрагментов знания, существующего в разных головах, приводить к результатам, которые при сознательном стремлении к ним потребовали бы от управляющего разума таких знаний, которыми не может обладать никакой отдельный человек?»⁸

В этой основополагающей работе Хайек не дает ответа на вопрос. Но сам вопрос о том, как возможна социальная координация в мире рассеянного знания, в мире ошибок и постоянных изменений, станет центральной проблемой всех его последующих трудов⁹.

* * *

Незадолго до войны Хайек начал масштабный двухтомный проект под рабочим названием «Злоупотребления разумом и его упадок». Он задумал показать, как родственные доктрины соци-

⁸ Там же. С. 104.

⁹ Исследовательская литература, посвященная этой лекции и ее значению для интеллектуальной эволюции Хайека, постоянно растет. Желющие получить дополнительную информацию, могут найти ее в книге: Bruce Caldwell, *Hayek's Challenge: An Intellectual History of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 2004); см. главу 10 и приведенные в ней цитаты.

ализма и сциентизма (последний представлял собой применение методов естественных наук в тех областях, для которых они не подходили, т. е. в общественных науках) совместно развивались и еще теснее переплетались по мере распространения из Франции на Германию, Англию и США. Осенью 1940 г. Хайек приступил к теоретическому исследованию сциентизма, которое должно было стать первой главой книги. Однако глава выросла в гораздо более обширную работу «Сциентизм и изучение общества», которая выходила тремя частями с 1942 г. по 1944 г. в журнале «*Economica*»¹⁰. В промежутке между публикацией первой и второй частей Хайек написал работу «Факты общественных наук» (глава 2 настоящего тома). Первые два раздела «Фактов» представляют собой краткое изложение содержания более обширной части.

Хайек сообщает, что выступил с «Фактами» 10 ноября 1942 г. в Клубе моральных наук Кембриджского университета; эту дискуссионную группу возглавляли два выдающихся философа, двоюродный брат Хайека Людвиг Витгенштейн и Дж. Э. Мур¹¹. Принимая во внимание состав аудитории, следует считать небезынтересным следующее обстоятельство: Хайек начал с упоминания о том, что пришел в науку как исследователь общества, «полностью уверенный в универсальной пригодности методов естественных наук»¹². Он, несомненно, хотел заверить философов, что высоко оценивает возможности методов естественных наук, когда они применяются в сфере этих последних. Ошибка,

¹⁰ F. A. Hayek, “Scientism and the Study of Society”, *Economica*, n.s., vol. 9, August 1942, pp. 267–291; *ibid.*, vol. 10, February 1943, pp. 34–63; *ibid.*, vol. 11, February 1944, pp. 27–39; перепечатано в: *The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason* (Glencoe, IL: Free Press, 1952; reprinted, Indianapolis, IN: Liberty Fund, 1979 <Хайек Ф. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003. Гл. 1–10>). Последнее издание: F. A. Hayek, *Studies on the Abuse and Decline of Reason*, ed. Bruce Caldwell, vol. 13 (2010) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, chapters 1–10. Проект «Злоупотребления разумом» так и остался незавершенным; более подробная информация о его истории содержится во введении редактора в последнем издании.

¹¹ Осенью 1940 г., когда уже шла битва за Англию, Лондонская школа экономики была эвакуирована в Питерхаус, Кембридж, где оставалась в годы войны. В своих воспоминаниях Хайек называет несколько случаев, когда он встречался с двоюродным братом, но нигде не говорит, что Витгенштейн присутствовал на его докладе в клубе.

¹² См. настоящий том, с. 108.

по мнению Хайека, совершается лишь тогда, когда данные методы используют в общественных науках.

Главная идея Хайека состоит в том, что факты общественных наук отличаются от фактов естественных наук, и поэтому для их понимания необходим другой метод. Объекты человеческой деятельности — в качестве примеров он упомянул такие, как «инструменты, продукты питания, лекарства, оружие, слова, предложения, средства общения или акты производства»¹³, — определяются не их объективными свойствами, а человеческими интерпретациями. Подобным же образом, когда мы интерпретируем действия другого человека, будь то в повседневной жизни или с позиции обществоведа, мы оперируем понятием мнений или намерений, которые мы приписываем действующему лицу, и делаем это посредством аналогии с нашим собственным сознанием. Это особенно очевидно, когда мы пытаемся осмыслить культуру, сильно отличающуюся от нашей собственной. Особенно примечательно, что в процессе осмысления чужих действий мы используем не конкретные, а абстрактные понятия:

7 «Когда мы говорим, что у человека есть пища или деньги или что он произносит слово, мы подразумеваем, что он знает, что первую можно есть, второе можно использовать для покупки чего-либо и что третье можно понять...

Мое знание об окружающих повседневных вещах, о конкретных способах выражения мыслей и эмоций принесет мне мало пользы при интерпретировании поведения жителей Тьерра-дель-Фуэго. Но мое понимание того, что я имею в виду под средствами достижения цели, под пищей или оружием, словом или знаком и даже, вероятно, обменом или подарком, все еще будет полезно и даже существенно для моих попыток понять, что они делают»¹⁴.

Кратко говоря, классификации, в которых фигурируют абстрактные категории, и интерпретации, в которых используются эти категории или модели, играют ключевую роль в нашем осмыслении человеческой деятельности. К этим идеям Хайек вернется в книге по психологии, «Сенсорный порядок» (1952), а также в более поздних работах, помещенных в данном томе¹⁵.

¹³ Там же. С. 110.

¹⁴ Там же. С. 113, 117.

¹⁵ F. A. Hayek, *The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology* (Chicago: University of Chicago Press, 1952); <новое издание: F. A. Hayek, *The Sensory Order and Other Essays*, ed. Viktor J. Vanberg, *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press; London: Routledge), vol. 14 (2017)>.

Хайек предвидел возражения со стороны тех, кто считал, что все наше знание мы должны извлекать из наблюдения и опыта. В последнем разделе «Фактов» он приводит контраргументы и критикует то, что в февральском выпуске «Сциентизма» в 1943 г. назовет коллективизмом, историцизмом и объективизмом научного подхода.

В «Фактах» Хайек ближе всего подходит к методологической позиции Людвиг фон Мизеса. Это заметно в его описании отношений между теорией и историей, в его утверждении, что теории социальных наук не поддаются проверке, и, пожалуй, особенно в том обстоятельстве, что он одобрительно использует термин «априори»; правда, тут же следует добавить, что использует он его для обозначения свойства ментальной классификационной системы сознания, т.е. совершенно иным образом, чем Мизес¹⁶.

В «Фактах» Хайек постоянно подчеркивает методологические различия между естественными и общественными науками. Об этих различиях он будет говорить впоследствии в связи с изучением простых и сложных явлений.

8

* * *

Когда война уже близилась к концу, Хайек вернулся к проблеме, поставленной в работе «Экономическая теория и знание»; эту проблему он описал теперь как «использование знания, которое никому не дано во всей его полноте»¹⁷. В работе «Использование знания в обществе» Хайек показывает, как формируемые рынком свободно приспосабливающиеся цены могут содействовать решению проблемы координации человеческих действий в мире дисперсного субъективного знания.

«Интерпретативный поворот» Хайека в этой и в других работах сам по себе инициировал различные интерпретации его идей в исследовательской литературе; одни авторы видят в нем свидетельство того, что Хайек поддерживал герменевтику, а другие — инфильтрацию постмодернизма. См., например: G. B. Madison, "Hayek and the Interpretive Turn", *Critical Review*, vol. 3, Spring 1989, pp. 169—185; Theodore Burczak, "The Postmodern Moments of F. A. Hayek's Economics", *Economics and Philosophy*, vol. 10, April 1994, pp. 31—58. Критика этих мнений: Caldwell, *Hayek's Challenge*, appendix D.

¹⁶ Более подробное сравнение методологических позиций Мизеса и Хайека см. в: Caldwell, *Hayek's Challenge*, pp. 220—223; Caldwell, "A Skirmish in the Popper Wars: Hutchison versus Caldwell on Hayek, Popper, Mises, and Methodology", *Journal of Economic Methodology*, vol. 16, September 2009, pp. 315—324.

¹⁷ См. настоящий том, с. 129.

Хайек формулирует проблему следующим образом. Если нужно создать эффективную экономическую систему в мире рассеянного знания, то какая модель лучше — централизованная или децентрализованная? Ответ зависит от того, какая модель лучше использует знание, а это, в свою очередь, зависит от того, какого рода знание наиболее важно в экономической системе. Слыша слово «знание», многие тут же думают о научном знании или о какой-либо иной форме специализированной экспертизы. Но в экономической системе гораздо более важным видом знания является то, которым обладают рядовые участники рыночной системы; Хайек называет его «знанием конкретных обстоятельств времени и места»¹⁸. Это знание особенно важно в мире постоянных изменений, поскольку знание о переменах, происходящих в конкретных условиях, принципиально необходимо для принятия правильных решений в рыночной обстановке.

Но здесь есть одна сложность. Человек с локализованным знанием имеет очень ограниченный кругозор. Он плохо представляет, что происходит в масштабах всей системы. В связи с этим на первый план выходит реальная проблема: как может отдельно взятый человек использовать не только свое личное знание, но и то локализованное знание, которое присутствует в головах всех остальных участников системы? Центральной инстанции будет, по самой меньшей мере, трудно собирать все такое знание, особенно если оно постоянно меняется. Так можем ли мы найти способ использовать его?

И вот тут на помощь приходит система цен. «Человек с улицы» не может обладать общим знанием; у него есть только локализованное знание. Но при системе свободного рынка происходящее в масштабах всей системы отражается в ценах, которые индивидум ежедневно наблюдает на рынке. Хайек иллюстрирует свой тезис «примером спроса на олово» и показывает, что миллионы участников рынка действуют «в правильном направлении», когда меняется цена товара или ресурса, хотя могут ничего не

9 знать о причине ее изменения¹⁹. Хотя в этом примере Хайек не

¹⁸ Там же. С. 131.

¹⁹ Пример с оловом Хайек впервые использовал в статье «Экономическая теория планирования»; она была опубликована в 1941 г. в оксфордском научном сборнике. См.: F. A. Hayek, “The Economics of Planning”, in *Socialism and War: Essays, Documents, Reviews*, ed. Bruce Caldwell, *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 10 (1997), pp. 141–147.

использует термин «стихийный порядок», ясно, что речь идет именно о нем.

«Использование знания в обществе» — самая известная статья Хайека; экономисты, занимающиеся экономической теорией информации, регулярно ссылаются на нее и считают ее основополагающей²⁰. Благодаря ясности изложения она вполне доступна пониманию студентов. В анналах истории экономической мысли пример с оловом, показывающий, как рынки используют рассеянную информацию, следует по справедливости поставить в один ряд с «булавочной фабрикой», на примере которой Адам Смит показал, как разделение труда позволяет увеличивать производство.

Хайек делает ряд методологических выводов. В начале статьи, главным образом в соответствии с идеями, изложенными в работе «Факты социальных наук», он отмечает, что сам характер фундаментальной проблемы «был больше затуманен, нежели прояснен, многими из последних усовершенствований экономической системы», усовершенствований, которые он связывает с «ошибочным переносом на общественные явления тех привычных способов мышления, которые мы выработали, имея дело с явлениями природы»²¹. Ниже он показывает, как использование теории статического равновесия, которая абстрагируется от изменений, «сделало нас в известной мере слепыми в отношении истинной функции механизма цен и привело

²⁰ См., например: Sanford Grossman, *The Informational Role of Prices* (Boston: MIT Press, 1989), pp. 1, 32, 108, 134; Leonid Hurwicz, “Economic Planning and the Knowledge Problem: A Comment”, *Cato Journal*, vol. 4, Fall 1984, p. 419; Joseph Stiglitz, “The Contribution of the Economics of Information to Twentieth Century Economics”, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, November 2000, pp. 1446—1448, 1468—1469. Однако эти авторы считают, что Хайек говорит об информационных свойствах равновесных цен; между тем, как мы увидим в работе «Смысл конкуренции», в действительности его интересует информационная функция *неравновесных* цен. В связи с предложенной Хайеком концепцией знания появилась обширная исследовательская литература; особенно это относится к авторам, симпатизирующим австрийской школе. Два самых показательных примера: Esteban Thomsen, *Prices and Knowledge: A Market-Process Perspective* (London: Routledge, 1992); Israel Kirzner, “Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach”, *Journal of Economic Literature*, vol. 35, March 1997, pp. 60—85.

²¹ См. настоящий том, с. 129.

к применению довольно обманчивых критериев при оценке его эффективности»²². Эту тему Хайек продолжит в работе «Смысл конкуренции».

* * *

10 В июле 1941 г. Хайек написал письмо своему старинному университетскому другу Фрицу Махлупу, который тогда жил в Вашингтоне и работал в Министерстве торговли. Хайек прочитал статью Махлупа о конкуренции и изложил свое впечатление: «Мне было особенно приятно увидеть, что твои выводы так хорошо согласуются с моими методологическими взглядами и во многих отношениях близки к моему представлению о конкуренции, которое я намеревался когда-нибудь изложить. Ты имеешь в виду примерно то же самое, на чем всегда настаиваю и я, а именно: конкуренция — это процесс, а не состояние, и если бы она вообще могла стать “совершенной”, то в тот же самый момент исчезла бы»²³. Неудивительно поэтому, что в статье «Смысл конкуренции» Хайек в первом же примечании цитирует статью Махлупа и хвалит его за возвращение трактовки значения конкуренции «обратно на землю»²⁴.

После войны ключевым в плане политики был вопрос регулирования производства. Экономисты обычно утверждают, что конкуренция делает рынок эффективным, поскольку заставляет производителей выпускать нужные потребителям товары с минимальными затратами. Фирмы, которые производят товары, не соответствующие желаниям потребителей, или с себестоимостью выше, чем у конкурентов, не выживают на рынке. Теоретическая модель, с помощью которой экономисты обычно описывают этот постулат здравого смысла, — теория совершенной конкуренции. Эта модель (или, точнее, неверное ее использование в дискуссиях о правильной политике в отношении бизнеса) и есть объект критических доводов Хайека в данной работе:

²² Там же. С. 138.

²³ F. A. Hayek to Fritz Machlup, July 31, 1941, Machlup Collection, box 43, folder 15, Hoover Institution Archives, Stanford University, Calif. (далее Hoover Institution Archives). Похожую позицию занимал Шумпетер; см.: Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper and Brothers, 1942; 3rd ed., New York: Harper and Row, 1950), chapter 7 <Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. Глава 7>.

²⁴ См. настоящий том, с. 144.

«По-видимому, широко распространено мнение, что так называемая теория “совершенной конкуренции” дает подходящую модель для оценки эффективности конкуренции в реальной жизни и что в той мере, в какой реальная конкуренция отклоняется от этой модели, она является нежелательной и даже вредной.

Мне подобная установка представляется малооправданной»²⁵.

Для Хайека «конкуренция по своей природе есть динамический процесс, неотъемлемые особенности которого отбрасываются допущениями, лежащими в основе статического анализа»²⁶. Появляющиеся в реальном мире предложения «исправить» несовершенную конкуренцию — с помощью, скажем, введения «упорядоченной конкуренции», принудительной стандартизации продуктов или, в самом крайнем случае, национализации недостаточно конкурентоспособных отраслей — обнаруживают всю опасность слишком серьезного отношения к теоретическим моделям.

Как ни удивительно, отмечает Хайек, но в экономической теории совершенной конкуренции совершенно отсутствует наше обыденное представление о последствиях конкуренции. В ней нет соперничества, нет борьбы, нет попыток ослабить конкурента или разнообразить продукт; иными словами, «“совершенная” конкуренция и в самом деле означает отсутствие всякой конкурентной деятельности»²⁷. Общий методологический изъян очевиден: теория статического равновесия, сосредоточенная на получении долгосрочных результатов после проведения всех корректировок, не учитывает того, что силы конкуренции на самом деле действуют в периоды *неравновесности*. Чем менее совершенен рынок, тем важнее конкуренция. Попытки воспроизвести искусственный мир совершенной конкуренции — это катастрофическая политика, поскольку в стремлении к совершенству они способны подавить реальную конкуренцию, существующую в реальном мире.

* * *

Четыре обсужденные выше работы Хайек перепечатал в своем сборнике «Индивидуализм и экономический порядок» (1948). Как уже говорилось, работа «Факты общественных наук» относится к его проекту «Злоупотребления разумом», но три про-

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 146.

²⁷ Там же. С. 149.

чие тесно связаны между собой. В статье «Экономическая наука и знание» Хайек утверждает, что для ответа на вопрос о том, как движение к равновесию социума может вообще возникать в мире дискретного знания и постоянных перемен, мы должны иметь правильное представление о том, *каким видом* знания будут обладать индивидуумы, а также о *процессе*, в ходе которого индивидуумы будут приобретать это знание. «Использование знания в обществе» — ответ на первый вопрос: важнее всего не научное знание, а знание, обусловленное временем и местом. «Смысл конкуренции» — ответ на второй вопрос: рыночный процесс, т.е. процесс рыночной конкуренции, и есть то самое, посредством чего индивидуумы приобретают это специфическое знание и передают его другим.

В сборник «Индивидуализм и экономический порядок» вошли и другие статьи, включая три, посвященные дискуссии об экономическом расчете при социализме²⁸. Уже на этом раннем этапе Хайек, размышляя о корректности методов общественных наук, предупреждал, что в силу ограниченности ее возможностей экономическая теория способна давать неверные политические рекомендации. В последующие годы горизонты его видения только расширились.

Часть II. От Чикаго до Фрайбурга: дальнейшая эволюция

Получив свои «пятнадцать минут славы» после публикации книги «Дорога к рабству» (1944)²⁹, Хайек начиная с лета 1945 г. почти до конца десятилетия работал над книгой по теоретической психологии, которая была опубликована в 1952 г. под названи-

12

²⁸ Hayek, *Individualism and Economic Order*. Работы о социализме приведены в сборнике: F. A. Hayek, *Socialism and War*, in *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 10 (1997).

²⁹ F. A. Hayek, *The Road to Serfdom: Texts and Documents*, ed. Bruce Caldwell, *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 2 (2007) <Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006>. Пожалуй, правильнее сказать, что международную известность Хайеку принесла публикация сокращенного варианта в «Reader's Digest» (1945); подробнее об этом — во введении редактора к вышеуказанному изданию. Кроме того, в то время Хайек занимался организацией первого заседания Общества Мон-Пелерен и готовил книгу о переписке Джона Стюарта Милля и Гарриет Тейлор.

ем «Сенсорный порядок». В 1950 г. Хайек покинул Лондонскую школу экономики и перешел в Комитет по социальной мысли при Чикагском университете, где проработал 12 лет. Эти годы стали важнейшим этапом в формировании его мировоззрения.

С октября 1950 г. Хайек проводил ежегодный осенний семинар на избранную им тему. Первые два, «Равенство и справедливость» и «Либеральная традиция», были посвящены вопросам политической теории, философии и истории. Эти и последующие семинары снабдили Хайека подготовительным материалом для следующей значительной книги. В ноябре 1953 г. он сообщил Фрицу Махлупу, что намерен назвать ее «Больше, чем человек. Созидательные силы свободной цивилизации»³⁰. На следующий год Хайек совершил вместе с женой семимесячную поездку по Италии и Греции, повторив путешествие, которое столетием раньше предпринял Джон Стюарт Милль³¹. Во время этой поездки Хайек также посетил Египет, чтобы прочитать четыре лекции в Национальном банке Каира; в 1955 г. они были опубликованы под названием «Политический идеал верховенства закона». В своих воспоминаниях Хайек рассказал, в какой мере каирские лекции помогли ему упорядочить его идеи в единое целое, ставшее потом «Конституцией свободы»: «Вскоре после возвращения из нашего путешествия у меня на основе моих каирских лекций сложился четкий план книги о свободе. За три следующих года я написал первый вариант трех частей “Конституции свободы”, зимой 1958—1959 гг. отредактировал всю книгу и смог сдать законченную рукопись моим американским издателям к моему 60-му дню рождения, 8 мая 1959 г.»³²

³⁰ F. A. Hayek to Fritz Machlup, November 19, 1953, Machlup Collection, box 44, folder 1, Hoover Institution Archives. В конце концов книга стала называться «Конституция свободы», но Хайек сохранил подзаголовок в качестве названия 2-й главы.

³¹ Дневник поездки хранится в собрании: Hayek Collection, box 125, folder 2, Hoover Institution Archives.

³² F. A. Hayek, *Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue*, ed. Stephen Kresge and Leif Wenar (Chicago: University of Chicago Press, and London: Routledge, 1994), p. 130. F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960); новое издание: *The Constitution of Liberty*, ed. Ronald Hamowy, *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 16 (2011) <Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018>. Как следует из «Памятной записки о рабочих планах», датированной ноябрем 1955 г., Хайек первоначально задумал две книги и вторая

Каирские лекции Хайек начинает с классических толкований принципа «равенства перед законом», прослеживает историю британского либерализма и эволюцию концепции верховенства закона от первых упоминаний в XVII в. до оформления в XVIII в. Затем он переходит к вкладу американцев, включивших Билль о правах в писаную конституцию, анализирует немецкую концепцию *Rechtsstaat*, попытку поставить административный аппарат национального государства под власть закона. Наконец, Хайек переходит к выделению первостепенных свойств верховенства закона (в частности, верховенства закона как метапринципа; он выделяет его всеобщность, четкость и равенство в применении³³) и завершает лекции описанием упадка этого принципа в конце XIX в. и в начале XX в. Ключевые главы «Конституции свободы» (11–16) строятся на идеях, впервые изложенных в каирских лекциях.

Однако нас здесь в первую очередь интересует то, что Хайек говорит в своих лекциях об отношениях между правилами (в дан-

должна была называться «Больше, чем человек. Созидательные силы свободной цивилизации». Однако потом он объединил все намеченные темы в «Конституцию свободы». «Памятная записка» хранится в архиве: Hayek Collection, box 93, folder 11, Hoover Institution Archives.

³³ Уверенность Хайека в том, что верховенство закона способно препятствовать принуждению со стороны государства, была подвергнута критике. См., например: Ronald Hamowy, “The Hayekian Model of Government in an Open Society”, in *The Political Sociology of Freedom: Adam Ferguson and F. A. Hayek* (Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2005), p. 235: «Уже давно стало понятно, что никакие чисто формальные свойства того типа, какие выделяет Хайек, — т. е. что законы должны быть всеобщими, предсказуемыми и четкими, — не могут эффективно препятствовать государственному вмешательству... Только при помощи недвусмысленных ограничений, не чисто формальных, а наделенных реальным содержанием и определяющих, какие именно законы могут приниматься, будет возможно контролировать сферы, в которые способна вмешиваться законодательная власть. Но даже и при этом условии необходима бдительная и недоверчивая судебная власть, призванная контролировать законодательную. Запретные для законодательной власти сферы могут быть выделены только на основе теории прав, которая логически предшествует теории правления. Это очевидное обстоятельство Хайек по какой-то причине обошел вниманием». Более ранняя версия критики изложена в статье: Ronald Hamowy, “Hayek’s Concept of Freedom”, *New Individualist Review*, vol. 1, April 1961, pp. 28–31.

ном случае — законами) и порядками, которые создает соблюдение правил. В начале третьей лекции он отмечает тенденцию видеть сознательный замысел в каждом упорядочном паттерне, тенденцию, способную вводить в заблуждение: «В уме человеческого прочно укоренилась склонность считать всякий встречаемый им упорядоченный паттерн плодом замысла подобного же ума и полагать, что не может быть порядка без такого сознательного замысла. Но если множество отдельных элементов подчиняется определенным общим законам, это, конечно, может привести к появлению того или иного порядка без вмешательства внешней силы. К законам, которым повинуются люди, это относится не в меньшей степени, чем к законам природы; и сколь бы сильно ни отличались друг от друга два значения понятия “закон”, общее свойство нашей проблемы станет яснее, если мы в данном случае обратим внимание на самый общий аспект их связи»³⁴. В природном мире могут возникать порядки, поведение или движения элементов которых мы не способны точно предсказывать. В силу рассеянности знания «точно такой же проблемой является создание порядка в обществе»³⁵.

Итак, «Политический идеал верховенства закона» — это один из первых случаев, когда Хайек выходит за пределы сферы рыночных явлений и высказывает общую мысль: подчинение правилам со стороны индивидуальных элементов может приводить к возникновению порядков. Это также первый случай, когда Хайек использует словосочетание (но еще не термин!) «стихийный порядок»³⁶. Перечисленные выше идеи вошли в 10-ю главу «Конституции свободы», весьма удачно названную «Законы, команды и порядок».

* * *

В том же году, что и каирские лекции, Хайек опубликовал в журнале «British Journal for the Philosophy of Science» статью «Уровни объяснения». Главная ее тема, как и в «Сциентизме», — научный метод. Но вместо перечисления различий между естественными и социальными науками, которое Хайек провел в более ранней работе, он говорит здесь о свойствах, присущих *всем* наукам. Например, все теоретические науки занимаются созданием гипотетико-дедуктивных систем. Такие систе-

³⁴ См. настоящий том, с. 212.

³⁵ Там же. С. 214.

³⁶ Там же.

мы невозможно верифицировать, но поскольку они исключают определенные события, их можно фальсифицировать. Объяснение и предсказание — это два аспекта одной и той же научной процедуры. И так далее.

И только после установления общих свойств всех наук Хайек переходит к тому, чем разные науки отличаются друг от друга: это доступный посредством их методов *уровень* объяснения (отсюда и название работы). Науки, изучающие сложные явления, способны определять только диапазон, или паттерн, предсказываемых величин, но не способны предсказывать конкретные события. Иначе говоря, они предлагают только объяснение принципа, согласно которому развивается процесс, и поэтому могут предсказывать лишь те или иные типы результатов. Однако, поскольку такие теории исключают определенные типы результатов, они отчасти проверяемы и, следовательно, научны. Но точное предсказание, которое часто считается критерием научности, в таких случаях невозможно.

В «Сциентизме» Хайек провел разграничительную линию между естественными и общественными науками. В «Уровнях объяснения» эта линия проведена между науками, изучающими сравнительно простые явления, и науками, изучающими сравнительно сложные явления. Каково же значение этого переноса акцента (если оно вообще есть)?

Главная причина изменения подхода (и важного изменения) состоит в том, что различие, которое первоначально наметил Хайек, не соответствовало господствовавшему в то время убеждению философии науки: она исходила из того, что научный метод един. Друг Хайека Карл Поппер отстаивал тезис о единстве науки в «Нищете историцизма» и тем самым подспудно критиковал проведенное Хайеком разграничение методов естественных и общественных наук³⁷. Когда в 1952 г. вышла «Контрреволюция науки», философ Эрнест Нагель в своей рецензии уже открыто подверг критике позицию Хайека³⁸. Критические замечания Хайек, несомненно, получал и на своем чикагском семи-

15

³⁷ Karl Popper, "The Poverty of Historicism, III", *Economica*, n.s., vol. 12, May 1945, pp. 78–82; *The Poverty of Historicism*, 2nd ed. (London: Routledge, 1960), pp. 130–131 <Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993>.

³⁸ Ernest Nagel, "Review of F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science*", *Journal of Philosophy*, vol. 49, August 1952, pp. 560–565.

наре 1952 г., посвященном научным методам³⁹. Хайек не хотел отступать от утверждения, что такие науки, как экономическая наука, во многих случаях способны предложить лишь предсказание паттерна или объяснение принципа; однако проведенное им разграничение между естественными и общественными науками было не самым верным путем для обоснования этого тезиса.

Выход из положения Хайеку подсказал математик Уоррен Уивер. Он был рецензентом публикации Хайека в «*British Journal*» и прислал ему обширный отзыв с критическими замечаниями. К отзыву Уивер приложил свою статью 1948 г. «Наука и сложность»⁴⁰. В этой статье он показывает, что примерно до 1900 г. естественные науки занимались по преимуществу простыми явлениями, выделяли и математически выражали лишь несколько переменных. Затем эти науки перешли к изучению явлений «неупорядоченной сложности», где миллионы переменных взаимодействуют случайным образом; к таким явлениям вполне применимы теория вероятностей и статистические методы. Следующая стадия, начавшаяся как раз во время появления статьи Уивера, имеет дело с явлениями «упорядоченной сложности». В таких явлениях тоже взаимодействуют миллионы переменных, но они уже не независимы, а взаимосвязаны, и обычные статистические методы здесь не годятся. Согласно Уиверу, такие явления существуют во многих областях, и для их изучения потребуются новые методы. Схема Уивера подсказала Хайеку, каким образом можно акцентировать пределы возможностей общественных наук, не умаляя степени научности этих наук. С тех пор всякий раз, как Хайек обращался к теме сложных явлений, он практически всегда ссылаясь на статью Уивера и столь же неизменно пользовался антитезой «простое—сложное», когда описывал методологические различия между науками.

В «Уровнях объяснения» часто упоминается Карл Поппер, и поэтому Хайека легко поймать на слове, когда в начале статьи (прим. 3) он говорит: «Во многих отношениях мои дальнейшие рассуждения представляют собой не более чем развитие некото-

³⁹ Подробнее об этом семинаре см.: Caldwell, *Hayek's Challenge*, pp. 298–299.

⁴⁰ Warren Weaver, “Science and Complexity”, *American Scientist*, vol. 36, October 1948, pp. 536–544. Следует отметить, что первая ссылка в работе Хайека сделана именно на статью Уивера. Отзыв Уивера хранится в архиве: Hayek Collection, box 137, folder 10, Hoover Institution Archives.

рых идей Поппера»⁴¹. Впрочем, Поппер действительно сделал полезное дело для Хайека, когда внес следующее уточнение: то, что Хайек справедливо (на взгляд Поппера) критиковал в «Сциентизме», — это на самом деле не методы естественных наук, а их некорректные псевдофилософские интерпретации⁴².

16

Но вместе с тем очевидно, что, как только признается существование «уровней объяснения», становится гораздо труднее использовать критерий фальсифицируемости для оценки теорий, и из этого вытекают неизбежные последствия: «Поскольку подобные теории сложно опровергнуть, исключение соперничающих теорий более низкого уровня будет медленным делом, прямо зависящим от убедительности доводов и полемического мастерства тех, кто использует эти теории. Не существует никаких доказательных экспериментов, которые помогли бы сделать выбор. Поэтому возникнут возможности для основательных заблуждений, повысится вероятность появления надуманных, перегруженных деталями теорий, опровергнуть которые может лишь здравый смысл квалифицированных специалистов, но никак не простой тест»⁴³. Кроме того, такое положение дел не будет меняться по мере прогресса науки; если исходить из противоположного допущения, тогда «ход мыслей данной статьи будет понят совершенно неправильно»⁴⁴.

И последнее: в этой работе образцовым примером науки, изучающей сложные явления, выступает эволюционная теория. Она будет играть у Хайека все более важную роль при объяснении того, как возникают стихийные порядки.

⁴¹ См. настоящий том, с. 259.

⁴² В «Нищете историцизма» (1960) Поппер переопределил термин «сциентизм» у Хайека «как подражание *тому, что ошибочно принимается за метод и язык науки*» (р. 105, курсив в оригинале <рус. изд., с. 121>). О согласии Хайека с этим уточнением свидетельствует, например, его «Предисловие к итальянскому изданию “Контрреволюции науки”» (ms., Hayek Collection, box 129, folder 12, Hoover Institution Archives), где сказано: «Своей критикой “индуктивизма” сэр Карл Поппер убедил меня в том, что естественные науки на самом деле не применяют метод, который, как в большинстве своем убеждены представители этих наук, они якобы используют». Похожее высказывание содержится в предисловии к сборнику: *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1967), p. viii.

⁴³ См. настоящий том, с. 277.

⁴⁴ Там же. С. 278.

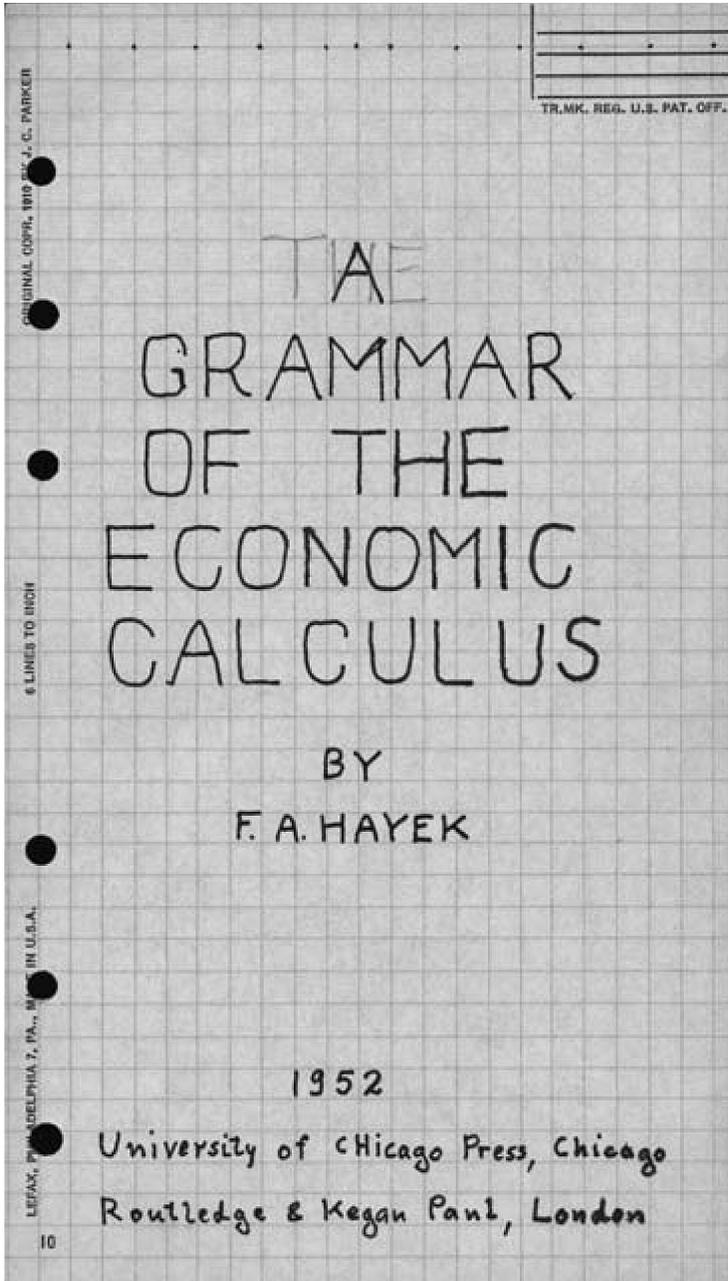


Рис. I.1. Обложка, нарисованная Хайеком. Friedrich A. von Hayek Papers, box 129, folder 5, Hoover Institution Archives

* * *

Принято считать, что в 1950—1960-х годах Хайек отошел от занятий экономической теорией и обратился к политической философии. Однако это распространенное мнение, как и многие расхожие мнения, неверно. На рис. I.1 воспроизводится сделанная от руки обложка работы «Грамматика экономического исчисления»; дата свидетельствует, что еще в 1952 г. Хайек задумал писать книгу по экономической теории. Существуют также заметки о «темах и проблемах», которые он намеревался затронуть; в их числе экономическая теория и инженерия, измерение, выбор, эквивалентность, альтернативные затраты, а также «сопутствующие ошибки», в числе которых понятия объективной ценности, оптимума, энергетики и справедливой цены⁴⁵. В свою «Памятную записку о рабочих планах» 1955 г. Хайек включил эту книгу как возможный проект: «Я надеюсь не забросить совершенно мою работу по техническим аспектам экономической теории. Я давно думал, что следующей книгой в этой области будут “Основы экономического исчисления” — нечто вроде подробного введения в базовую логику экономической теории, предназначенного прежде всего для ученых и людей с научным складом ума. Но, хотя я собрал немало материалов на эту тему, их пока еще очень трудно превратить в книгу»⁴⁶.

18 Через четыре года Хайек дал работе другое название — «Новый взгляд на экономическую теорию» и отметил, что книга будет гораздо проще: «Всего лишь краткий очерк экономического исчисления с приложением описания того, как работает денежная экономика»⁴⁷. Однако еще через год он вновь изменил свой замысел и сообщил Карлу Попперу о намерении заново сформулировать свои взгляды на природу экономической теории с использованием «концепции регулярностей высокого уровня»; такой подход, полагал он, будет «плодотворен и выйдет далеко за рамки собственно экономической теории». «Думаю, — продолжал Хайек, — именно к этому стремился Берталанфи со своей общей теорией систем, и сама концепция, конечно, уже присутствует в моих “Уровнях объяснения”. Она продолжает

⁴⁵ Hayek Collection, box 129, folders 5 and 6, Hoover Institution Archives.

⁴⁶ “Memorandum on Plans for Work, November 1955”, Hayek Collection, box 93, folder 11, Hoover Institution Archives.

⁴⁷ “Memorandum on Plans for Work, November 1959”, Hayek Collection, box 93, folder 11, Hoover Institution Archives.

проясниться, но пока я еще не могу вполне удовлетворительно сформулировать мою цель»⁴⁸.

В следующем году, весной 1961 г., Хайек прочитал в Вирджинском университете четыре лекции на указанную тему⁴⁹. Они стали очередной попыткой внедрить его новые идеи о сложных порядках в экономические исследования, в которых, собственно, эти идеи первоначально и зародились.

Хайек начинает с того, что многие экономические явления на самом деле представляют собой организованные порядки, которые, однако, не создаются преднамеренно. Во второй части первой лекции и во второй лекции Хайек разъясняет то, что он называет «экономическим исчислением», т.е. инструментарий, с помощью которого экономисты описывают «паттерны (закономерности, порядки), которые мы находим в экономических явлениях»⁵⁰. Этот инструментарий Хайек иллюстрирует схемами; одни из них знакомы по университетским учебникам, другие являются изобретением самого Хайека — прежде всего те, которые он использует для объяснения логики выбора. Таким образом, к экономическому исчислению относятся те части экономической теории, которые аналитически изображают определенную структуру, а именно «взаимосвязь между решениями о распределении ресурсов в условиях, когда все значимые факты известны отдельно взятому уму»⁵¹. Продуктивность этого метода Хайек показывает в третьей лекции, где обсуждает варианты техноло-

19

⁴⁸ Hayek to Popper, February 27, 1960, Hayek Collection, box 44, folder 2, Hoover Institution Archives. Основатель общей теории систем австрийский биолог Людвиг Бергаланфи (1901—1972) был другом Хайека и сделал замечания к работе «Сенсорный порядок» на этапе рукописи.

⁴⁹ Лекционный курс Хайека был организован при финансовой поддержке Центра исследований политической экономики им. Томаса Джефферсона. За месяц до первой лекции Хайек участвовал в конференции «Научные альтернативы коммунизму» в университете Нотр-Дам. Он выступил с докладом «Экономический порядок и свобода», в котором изложил свои идеи о сложных явлениях в контексте сравнения централизованной плановой экономики с рыночной. Тема сложных явлений вновь поднимается в Вирджинских лекциях, а также в работе «Теория сложных явлений». Доклад на конференции в университете Нотр-Дам никогда не публиковался; текст находится в собрании: Hayek Collection, box 108, folder 1, Hoover Institution Archives.

⁵⁰ См. настоящий том, с. 509.

⁵¹ Там же. С. 545.

гического выбора, стоящего перед развивающимися странами. В последней лекции Хайек описывает не абстрактное экономическое исчисление, а его применение к «миру действия», «где разные люди не только обладают разным знанием, но посредством своих действий постоянно приобретают новое знание»⁵² и где проявляется коммуникативная роль рынка.

Лекции помогают понять, что имел в виду Хайек, когда говорил, что многие экономические явления представляют собой незапланированные сложные адаптивные порядки, и когда подчеркивал, что экономическое исчисление продуктивно для решения определенных задач, но менее полезно при анализе формирования таких порядков. Однако он не стал публиковать лекции. Почему?

Как явствует из текста лекций, Хайек понимал: ему, вероятно, удалось заново сформулировать ряд более ранних идей, но он не довел свою концепцию до того уровня, на который рассчитывал, когда писал Попперу. Это подтверждает Джеймс Бьюкенен, который встречался с Хайеком в Вирджинском университете и впоследствии так вспоминал о впечатлении от лекций: «Эти лекции были неудачными — во всяком случае, по собственным стандартам профессора Хайека. Те, кто их слушал, были, конечно вознаграждены тщательным обзором его ранних идей относительно знания применительно к экономическому взаимодействию. Но Хайек не смог выйти за рамки того, что разработал еще 20 лет назад; описывая свои прежние размышления, он не предложил ничего нового на их основе. Заявленные честолюбивые замыслы были расстроены»⁵³.

Вместо публикации лекций Хайек частично включил их в более поздние работы. Поскольку эти четыре лекции представляют значительный исторический интерес и помогают лучше представить идейную эволюцию Хайека, они приводятся в приложении к настоящему тому.

* * *

В 1962 г. Хайек принял предложение занять профессорскую должность во Фрайбургском университете, которая давала право на пожизненную пенсию (хотя и скромную). С практической

⁵² Там же.

⁵³ James Buchanan, "I Did Not Call Him 'Fritz': Personal Recollections of Professor F. A. v. Hayek", *Constitutional Political Economy*, vol. 3, 1992, p. 131.

точки зрения это было важно, поскольку от Чикагского университета Хайек пенсию не получал; за все проведенные там годы ему было выплачено единовременное вознаграждение. 18 июня 1962 г. он прочитал инаугурационную лекцию «Экономика, наука и политика». В ней присутствуют размышления о правильной практике преподавания и о месте экономиста в политической жизни. Кроме того, Хайек затронул методологический вопрос о том, что может быть известно экономистам; эта тема связана с его формировавшейся концепцией сложных явлений.

В области экономической науки Хайек всегда был теоретиком. Переезд во Фрайбург стал отходом от проторенных путей, поскольку Хайек должен был читать там лекции по экономической политике. Задача становится более сложной, когда переходишь из сферы чистой теории к оценке политики. О политике невозможно говорить, не вынося оценочных суждений.

Соответственно, Хайек начинает с вопроса о роли оценочных суждений в науке. Он разделяет стандартный взгляд австрийской школы, заимствованный у немецкого социолога и экономиста Макса Вебера, согласно которому положительные утверждения следует отделять от нормативных⁵⁴. При оценке политики следует начинать с вопросов, имеющих объективное содержание; главная их цель — выяснение ожидаемых последствий тех или иных политических решений. Хайек подчеркивает фундаментальную презумпцию экономической теории: политику следует оценивать не по намерениям, а по реальным результатам⁵⁵.

Конечно, когда имеешь дело с таким сложным объектом, как экономика, предсказать результаты трудно. У нас может быть абстрактная теоретическая модель, математически выражающая структуру экономических явлений, но редко когда получается подставить данные вместо переменных. Как отмечал Хайек в «Уровнях объяснения», часто мы в лучшем случае способны

⁵⁴ Позиция Вебера по вопросу свободы от оценочных суждений сложилась, когда он критиковал коллег из немецкой исторической школы за то, что они используют оценочные суждения в своих лекциях. Подробнее см.: Caldwell, *Hayek's Challenge*, ch. 4.

⁵⁵ Возможно, самым удачным образом эту мысль выразил Генри Саймонс, который в своем плане курса лекций по экономике заметил: «И для ученого, и для политика экономическая теория прежде всего полезна как профилактика распространенных заблуждений». См.: Henry Calvert Simons, *The Simons' Syllabus*, ed. Gordon Tullock (Fairfax, VA: Center for the Study of Public Choice, George Mason University, 1983), p. 3.

определить общий характер порядка или предсказать его общее устройство. Хайек критикует паретианскую теорию общего равновесия и «математическую теорию цены», а также макроэкономическую теорию Кейнса⁵⁶. Вместо того чтобы питать обманчивую надежду на точное предсказание, для которого нужно больше знания, чем мы когда-либо можем иметь, нам следует удовлетвориться общим знанием, во многих случаях тоже очень полезным. Эту мысль Хайек иллюстрирует следующим педагогическим наставлением:

«Даже когда теория подсказывает, что вмешательство в хозяйственную жизнь может иметь благоприятные последствия, экономист должен предостерегать от такого вмешательства, и не потому, что он многое знает, а потому, что знает, как много информации необходимо, чтобы гарантировать благоприятные результаты вмешательства. <...>

Отнюдь не случайно в нашей области знаний термин “принципы” часто входит в название трактатов общего характера. А в отношении экономической политики в особенности принципы и есть весь тот вклад, которым мы вынуждены ограничиться»⁵⁷.

21

* * *

В 1963 г. Хайек приехал в Чикагский университет, чтобы прочитать курс лекций при финансовой поддержке Фонда Чарльза Р. Уолгринна⁵⁸. Две лекции посвящены соответственно состоянию экономической науки в Вене 1920-х годов и в Лондоне 1930-х годов; они опубликованы в данном собрании сочинений⁵⁹. Тре-

⁵⁶ См. настоящий том, с. 294.

⁵⁷ Там же. С. 298.

⁵⁸ Его пригласил Джордж Стиглер, бывший тогда уолгриновским профессором и распорядителем финансов, предоставляемых фондом. Подробнее о деятельности Стиглера в Чикагском университете см.: Edward Nik-Khah, “George Stigler, the Graduate School of Business, and the Pillars of the Chicago School”, in *Building Chicago Economics: New Perspectives on the History of America’s Most Powerful Economics Program*, ed. Robert Van Horn, Philip Mirowski, and Thomas A. Stapleford (Cambridge: Cambridge University Press, 2011), pp. 116–147.

⁵⁹ F. A. Hayek, “The Economics of the 1920’s as Seen from Vienna”, *The Fortunes of Liberalism: Essays on Austrian Economics and the Ideal of Freedom*, ed. Peter Klein, vol. 4 (1992) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 19–38 <Хайек Ф. Состояние экономической теории в 1920-е годы: взгляд из Вены // Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М: ИРИСЭН, 2009>; Hayek, “The Economics

тя, «типы теоретического мышления», видимо, является ранней версией текста, который был затем переработан и опубликован под названием «Два типа сознания»⁶⁰. Еще одна лекция, «Экономисты и философы», посвящена тому обстоятельству, что в британской традиции со времен Шотландского Просвещения вплоть до начала XX в. экономисты также занимались проблемами, которые в широком смысле можно назвать философскими. Приводя в пример эту традицию, Хайек сожалеет о сциентистском отходе от философии, который наметился в XX в. Вторая часть лекции посвящена вопросу об изучении сложных порядков и воспроизводит мысли, изложенные в других работах, включенных в данный том. Лекция «Экономисты и философы» публикуется впервые, в приложении к настоящему тому⁶¹.

* * *

Последним текстом второй части данного тома является статья «Правила, восприятие и умопостижимость», опубликованная в 1962 г. в издании «*Proceedings of the British Academy*». В этой блестящей работе Хайек сводит воедино идеи из целого ряда областей, таких как лингвистика, этология, гештальтпсихология, физиология, биология, эстетика, методология социальных наук и философия сознания.

Хайек начинает с того, что все животные, включая человека, следуют правилам, которых не сознают. Он приводит два примера: маленькие дети учатся говорить в соответствии с правилами грамматики, которые им не известны, но сами по себе очень сложны; мы способны определять эмоциональное состояние по выражению лица людей самой разной внешности⁶². Оба эти уме-

of the 1930's as Seen from London", *Contra Keynes and Cambridge: Essays, Correspondence*, ed. Bruce Caldwell, vol. 9 (1995) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 49–63.

⁶⁰ F. A. Hayek, "Two Types of Mind" [1975], reprinted in *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, ed. W. W. Bartley III and Stephen Kresge, vol. 3 (1991) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 49–55.

⁶¹ F. A. Hayek, "Economists and Philosophers", Hayek Collection, box 138, folder 12, Hoover Institution Archives; Hayek, "Types of Theoretical Thinking", Hayek Collection, box 138, folder 15, Hoover Institution Archives.

⁶² Пример «распознавания по лицу» приводится также в «Сциентизме», р. 110 <рус. изд., с. 68>, и в «Фактах общественных наук», настоящий том, с. 116.

ния объясняются нашей способностью распознавать абстрактные паттерны и следовать абстрактным правилам. Опираясь на психологическую теорию, разработанную в «Сенсорном порядке», Хайек считает физиологической основой этой способности деятельность иерархической структуры мозга. Он исходит из наличия многочисленных цепочек правил как перцептивного, так и моторного характера; совокупность этих правил и есть то, что в конечном счете ведет к возникновению предрасположенности к действию: «Именно совокупность таких активированных правил (или условий, налагаемых на дальнейшие действия) образует то, что называют “установкой” <set> (предрасположенностью <disposition>) организма в любой данный момент, и значимость вновь полученных сигналов определяется тем, как они модифицируют этот сложный набор правил»⁶³.

В конце статьи Хайек ставит вопрос о том, сможем ли мы когда-нибудь установить все правила, руководящие нашим восприятием и нашими действиями. По его мнению, ответ должен быть отрицательным: ведь сознательное мышление само руководствуется правилами, которые принципиально недоступны сознанию. Этим обстоятельством, полагает Хайек, подкрепляется утверждение, высказанное им в «Сциентизме» и в «Сенсорном порядке» (соответственно двадцатью и десятью годами ранее), что любая система классификации должна обладать более высоким уровнем сложности, чем классифицируемый ею объект. Отсюда, по его мнению, следует, что мозг принципиально не способен создать нечто большее, чем объяснение принципа, по которому действует мозг⁶⁴. Сознание — еще один пример сложного порядка; этот порядок следует правилам, которые мы не можем выявить, но именно они позволяют нам ориентироваться в другом сложном порядке, обществе. А этот последний включает в себя многочисленные определенные правилами порядки: язык, экономическую систему, правовую систему, систему моральных норм и т.д. Сложные порядки присутствуют везде. В следующем году Хайек написал статью «Виды рациона-

⁶³ См. настоящий том, с. 325.

⁶⁴ Там же. С. 329. Изложенная в статье выше концепция «настроев» на действие помогает преодолеть разрыв между нейронными связями мозга и итоговым результатом преднамеренного действия. Эту проблему Хайек безуспешно пытался решить в незаконченной работе «В пределах систем и о системах», которая будет впервые опубликована в издании «Сенсорного порядка» в составе настоящего собрания сочинений.

лизма», которая отвела дальнейшей проработке этих идей видное и постоянное место в его рабочей повестке.

Часть III. Общая теория порядков и примеры ее применения

Работа «Теория сложных явлений» была завершена в декабре 1961 г. (т.е. в том же году, когда Хайек читал Вирджинские лекции), но опубликована лишь в 1964 г., в сборнике, изданном в честь Карла Поппера. Здесь Хайек решает, по крайней мере частично, задачу, намеченную им в письме к Попперу 1960 г.: более полно изложить темы, впервые намеченные в «Уровнях объяснения».

Хайек ставит себе задачу провести ясное различие между науками, изучающими простые явления, и науками, изучающими сложные явления. Сложность возрастает как из-за увеличения «минимального количества установленных элементов, которыми формула или модель должна обладать, чтобы воспроизводить характеристики паттернов структур», так и по причине «возникновения “новых” паттернов в результате увеличения количества элементов, между которыми существуют простые связи»⁶⁵. В подобных случаях можно располагать лишь данными, достаточными для предсказания паттернов. Поскольку все элементы взаимосвязаны, статистическая методика, намеренно отвлекающаяся «от того факта, что соотносительная позиция разных элементов в структуре может иметь значение», не в силах «способствовать объяснению сложности паттернов»⁶⁶.

В конце статьи Хайек делает два важных заявления. Он указывает, что, поскольку система ценностей и моральных норм общества тоже является продуктом эволюционного процесса, «у нас не больше оснований приписывать вечное существование этим ценностям, чем самому роду человеческому»⁶⁷. Правда, он тут же добавляет, что как разум не может объяснить сознание, так и нет никакого способа выйти за пределы нашего культурно-

⁶⁵ «Теория сложных явлений», настоящий том, с. 341—342. Здесь Хайек впервые недвусмысленно идентифицирует возникающие явления как причину сложности.

⁶⁶ Там же. С. 346.

⁶⁷ Там же. С. 357.

го наследия, нет способа узнать, как возникали с ходом времени ценности, которыми мы руководствуемся. Поэтому, заключает он, мы должны питать определенное почтение к ценностям, которые существуют в течение тысячелетий. Применимость эволюционной теории сложных явлений для объяснения происхождения моральных кодексов человечества (этой теме специально посвящена более поздняя работа) к этому времени, несомненно, вошла в исследовательскую повестку Хайека⁶⁸.

Второе соображение касается того, как мы должны реагировать на недостаточность нашего знания при изучении сложных явлений. По мысли Хайека, знание пределов нашего знания само по себе является важным типом знания: «Стоит нам недвусмысленно признать, что понимание общего механизма, создающего паттерны того или иного рода, — это не просто инструмент для конкретных предсказаний, но нечто важное само по себе, способное служить незаменимым руководством к действию (а в некоторых случаях указанием на нежелательность действия), — стоит нам признать это, и мы, возможно, обнаружим, что это ограниченное знание является наиболее ценным»⁶⁹.

* * *

Вероятно, самой амбициозной попыткой обсудить возникновение стихийных порядков в различных областях мог бы стать «Симпозиум по проблеме аналогии», который Хайек провел на вилле Сербеллони в Белладжио, Италия, 17—24 апреля 1966 г. В первоначальной программе он описывает цель этой научной встречи следующим образом: «Симпозиум посвящен несознаваемым правилам, руководящим сознательными действиями. Обсуждение предполагается начать с рассмотрения той роли, которую правила, неизвестные действующему субъекту, играют в физических умениях, языке, праве и морали, изобразительных искусствах. Главная цель — пролить свет на:

- передачу несформулированных правил средствами культуры (т.е. на их усвоение без сознательного обучения);
- необходимость совместного знания несформулированных правил для уяснения коммуникативных отношений;

⁶⁸ См., например: F. A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty*, vol. 3, *The Political Order of a Free People* (Chicago: University of Chicago Press, 1979), epilogue; Hayek, *The Fatal Conceit*, ed. W. W. Bartley III, vol. 1 (1988) of *The Collected Works of F. A. Hayek*.

⁶⁹ «Теория сложных явлений», настоящий том, с. 360.

- общую проблему предсознательного обучения на опыте (формирование и изменение несознаваемой системы координат, в рамках которой действует осознанное мышление)»⁷⁰.

К сожалению, многие из приглашенных не смогли приехать. Тем не менее на следующий год Хайек опубликовал статью «Заметки об эволюции систем правил поведения», снабженную подзаголовком «Взаимодействие между правилами индивидуального поведения и социальным порядком действий». Она представляет собой самую смелую попытку Хайека описать на максимально возможном уровне обобщения отношение между правилами и порядками и процесс их эволюции.

В самом начале Хайек указывает, что будет «использовать как взаимозаменяемые такие пары понятий, как “порядок и его элементы” и “группы и индивиды”», подчеркивая тем самым, что порядки присутствуют везде, т.е. не только в человеческих обществах⁷¹. Затем он прослеживает связи между сложными, стихийно формирующимися, порядками, эволюцией и поведением, которое руководствуется правилами⁷².

1. В природе существуют разные виды порядков. Порядок возникает, когда действия различных элементов или членов группы скоординированы или взаимно сообразованы.

2. Иногда порядки возникают без всякого сознательного замысла. Такие стихийные порядки образуются в результате того, что элементы подчиняются правилам, хотя эти правила не нацелены на создание итогового порядка.

3. Мы можем выделить некоторые свойства правил, способных создавать стихийные порядки:

- а. Правила во многих случаях просты и часто принимают форму запретов.
- б. Индивидуумам, даже если они способны объясняться друг с другом, нет необходимости знать, что они *реально* следуют правилам, а если они все же знают это, нет необходимости *формулировать* правила.

⁷⁰ Hayek Collection, box 65, folder 7, Hoover Institution Archives.

⁷¹ «Заметки об эволюции систем правил поведения. Взаимодействие между правилами индивидуального поведения и социальным порядком действий», настоящий том, с. 364, прим. 2.

⁷² Нижеследующее изложение статьи близко к тому, что содержится в моей книге: Caldwell, *Hayek's Challenge*, pp. 309–310.

- с. Индивидуумы часто не могут ни объяснить, *почему* они следуют правилам, ни осознать, к чему *на самом деле ведут* эти правила.
- d. Не все правила приводят к возникновению порядка, а те, которые приводят к нему в определенной обстановке, могут оказаться дисфункциональными при ее изменении. Конкретизируя этот пункт, Хайек вновь вводит понятие возникающих <эмерджентных> явлений⁷³.
4. Если учесть перечисленные свойства правил, становится ясно, что обычно они не являются объектом выбора со стороны индивидуумов, сознательно стремящихся создать порядок. Эти правила сохраняются, пока существует группа, в которой они действуют⁷⁴.
5. Прошлая история группы, включающая в себя прошлые условия ее существования и прошлые правила, определяет, какие правила действуют в настоящем и какова соответствующая им природа порядка.
6. Порядки имеют разный уровень сложности. Социальные порядки относятся к числу самых сложных: «Общества тем отличаются от сложных структур более простого уровня, что их элементы сами являются сложными структурами, чьи шансы на сохранение обусловлены (или по крайней мере повышены) их принадлежностью к более общей структуре»⁷⁵.

⁷³ Ср.: «Изменение обстановки может потребовать, в целях сохранения целого, изменений порядка группы и, соответственно, правил поведения индивидов, а стихийное изменение правил индивидуального поведения и создаваемого ими итогового порядка может позволить группе сохраниться в обстоятельствах, которые при отсутствии такого изменения привели бы к ее разрушению» («Заметки об эволюции систем правил поведения», с. 370). Я благодарю Уилла Кристи, который обратил мое внимание на это важное место.

⁷⁴ Как указывает Хайек, «для правильного понимания животных и человеческих сообществ различие между видами правил особенно важно, поскольку генетическая (и в значительной мере также культурная) *передача* правил поведения происходит *от индивидуума к индивидууму*, тогда как то, что можно назвать естественным *отбором* правил, происходит на основе большей или меньшей эффективности возникающего *порядка группы*» (Там же. С. 365–366; курсив в оригинале). Хотя Хайек не использует здесь термин «групповой отбор», но явно имеет в виду само понятие и совершен-но уместно ссылается на работу видного сторонника этой теории В. К. Уинн-Эдвардса (с. 369, прим. 8).

⁷⁵ Там же. С. 377.

7. Имея дело со сложными порядками, мы во многих случаях способны предложить, самое большее, лишь «объяснение принципа», регулирующего их действия. Точные предсказания здесь не будут возможны, и в нашем распоряжении останутся только «предсказания паттернов» о диапазоне ожидаемых явлений.

Теории, которые мы создаем для объяснения сложных порядков, будут запрещать меньшее количество событий и как таковые будут, следовательно, менее фальсифицируемыми, чем теории, рассматривающие простые явления. Как указывает Хайек в «Теории сложных явлений», это создает дихотомию в науках: «Таким образом, наука должна развиваться в двух различных направлениях: если, с одной стороны, безусловно желательно сделать наши теории в максимальной степени фальсифицируемыми, то, с другой, мы должны переходить в те области, где, по мере продвижения, уровень фальсифицируемости неизбежно снижается. Такова цена, которую мы вынуждены платить за проникновение в сферу сложных явлений»⁷⁶.

* * *

Интеллектуальная история всегда оставалась важным компонентом интересов Хайека. Его крупный незавершенный проект «Злоупотребления разумом» был призван показать, что идеи имеют большое значение, что ход истории Запада был навсегда изменен одновременным появлением сциентизма и социализма. В работе «Результаты человеческой деятельности, но не человеческого замысла» Хайек задает связанный с интеллектуальной историей вопрос: почему люди так часто упускали из виду стихийные порядки? Хотя Рене Декарт (которого Хайек всегда считал отцом рационалистического конструктивизма) был одним из тех, кто сбил нас с пути в Новое время, Хайек здесь возводит истоки ложного шага к тому различию, которое древнегреческие философы проводили между естественным и искусственным, понимая под искусственным нечто «сознательно создаваемое человеком». Это различие, диктуемое, на первый взгляд, здравым смыслом, совершенно не учитывает явления, возникающие, как гласит название работы, в результате человеческой деятельности, но не в результате человеческого замысла.

Основная часть работы посвящена тому, как за сомнительной новацией Декарта последовало возрождение понятия порядка у испанских схоластов и британских моральных философов

⁷⁶ «Теория сложных явлений», настоящий том, с. 345.